

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

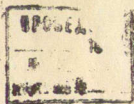
A-65

Г. АНДЕРСЕН

ГАДКИЙ
УТЕНОК

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1937

3325

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

~~7721~~
МЛ 893
А-65

ГАДКИЙ УТЕНОК

A65

Перевод с датского
А. В. ГАНЗЕН

Рисунки
Л. ОССОВСКОГО

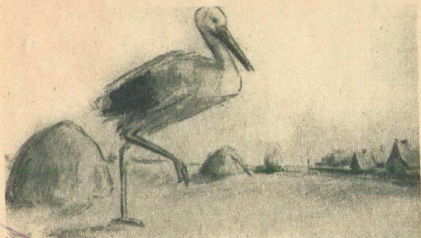
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987 ЛЕНИНГРАД

3325

1857-0811

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОУСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

3325 1857-08 12
Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зазеленели, сено было сметано в стога. По зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами виднелись большие леса. В лесах лежали глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке стояла старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой. От дома до самой воды росли лопухи, такие высокие, что маленькие ребятишки могли сто-

ять не сгибаясь под их широкими листьями. В самой чаще лопухов было глухо и дико, как в густом лесу. И вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сиденье. Ее редко навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею. Наконец, яичные скорлупки затрещали.

— Пи! пи! — слышалось из них; яичные желтки ожили и высунули из скорлупок носики.

— Живо! живо! — закрикала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Как мир велик! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в яичных скорлупках.

— А вы думаете, это весь мир? — сказала мать. — Нет! Мир тянется

далеко-далеко, за сад, в поле. Но там я никогда не бывала. Ну, все ли вы в сборе?—И она встала.—Ах, нет, не все. Самое большое яйцо целехонько. Да скоро ли этому будет конец? Право, мне уже надоело.

И она уселась опять.

— Ну, как дела?—заглянула к ней старая утка.

— Да вот еще одно яйцо остается,—сказала молодая утка.—Сижу,

сижу, а всё толку нет. Но посмотри-ка на других утят! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца. А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо, — сказала старая утка. — Может статься, это индюшиное яйцо. Меня вот тоже раз обманули — подложили мне индюшиные яйца, и мучилась же я, как вывела индюшат! Они ведь страсть боятся воды: уж я и крякала, и звала, толкала их в воду — не идут, да и конец. Дай-ка мне взглянуть на яйцо. Ну, так и есть! Индюшиное! Брось-ка его да ступай, учи других плавать.

— Нет, посижу еще, — сказала молодая утка. — Раз уж я сидела столько времени, так можно посидеть и еще немножко.

— Ну, как хочешь! — сказала старая утка и ушла.

Наконец, затрещала скорлупа и самого большого яйца.

— Пи! пи!— и оттуда вывалился огромный, некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик!— сказала она.— И совсем не похож на остальных. Неужели это индюшонок? Ну, ничего, в воду-то он у меня полезет, хоть бы мне пришлось столкнуть его силой.

На другой день погода стояла чудесная. Зеленый лопух весь был залит солнцем. Утка со всей своею

семьей отправились к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— За мной! Живо! — позвала утка утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

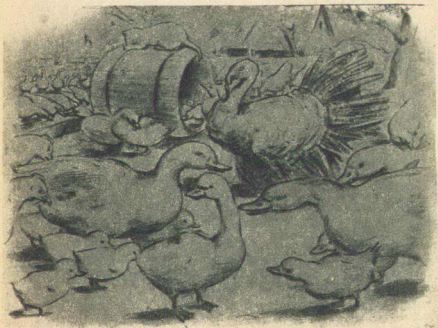
Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо было смотреть. Они быстро работали лапками. Некрасивый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь, как он славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе и недурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо, за мной! Мы отправимся сейчас на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро они добрались до птичьего двора. Какой там стоял шум и гам! Две утиные семьи дрались из-

за рыбьей головки, а в конце концов она досталась кошке.

— Вот как идут дела на белом свете!— сказала утка и облизнула язычком клюв— ей тоже хотелось попробовать рыбьей головки. — Ну, ну, шевелите лапками!— сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь самая важная. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите у нее на лапке красный лоскуток?

Как красиво! Это знак высшего отличия, какое только может получить утка. Люди дают этим понять, что очень дорожат ею; по этому лоскутку ее узнают и люди и животные. Ну, живо. Да не держите лапки вместе! Воспитанный утенок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей. Вот так! Кланяйтесь теперь и крикайте.

Они так и сделали. Но другие утки оглядывали их и громко говорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его-то уж мы не потерпим.

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула утенка.

— Оставьте его!—сказала утка-мать.—Он вам ведь ничего не сделал!

— Да, но он такой большой и гадкий!—отвечала забияка.—Ему стоит задать хорошенько!

— Славные у тебя детки!— сказала старая утка с красным лоскутком на лапке.— Все они очень милы, кроме одного... Этот не удался. Нельзя ли его переделать?

— Никак нельзя, — ответила утка-мать.— Он некрасив, но у него доброе сердце. и плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Ничего, вырастет — похорошеет, может, станет со временем и поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не со-

всем удался. — И она провела носиком по перышкам большого утенка.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка.

— Ну, будьте, как дома, а найдете рыблю головку — можете принести ее мне.

И утята стали вести себя, как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки и куры.

— Он слишком велик, — говорили все, а индейский петух надулся и, будто корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, а потом

пошло еще хуже. Все гнали беднягу, даже братья и сестры сердито говорили ему: „Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!“ А мать прибавляла: „Глаза бы мои тебя не видали!“ Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая сыпала птицам корм, толкала его ногою.

Не выдержал утенок; он перебежал двор и выбрался на волю. Маленькие птички испуганно вспорхнули с кустов.

„Они испугались меня — такой я безобразный“, подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный, просидел тут утенок всю ночь.

Утром утки вылетели из гнезда и увидели нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся и раскланивался на все стороны, как умел.

— Ну и безобразный же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай лезть в нашу семью.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы!

Два дня провел он в болоте. На

третий день явились два диких гу-
сака, тоже недавно вылупившихся
из яиц.

— Слушай, дружище, — сказали
они: — хочешь бродить с нами и
быть вольной птицей?

Пиф! паф! — раздалось вдруг над
болотом, и оба гусака замертво упа-
ли в камыши. Вода стала красной
от крови. Пиф! паф! — раздалось
опять, и из камышей поднялась це-
лая стая диких гусей. Пошла паль-

ба. Охотники окружили болото со всех сторон. Некоторые из них сидели в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаком окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки. Камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив, ни мертв от страха. Только что он хотел спрятать голову под крыло, как — глядь, перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами.

Она разинула пасть, оскалила острые зубы и — шлеп, шлеп! — побежала мимо.

— Уф! — перевел дух утенок. — Я так безобразен, что даже собаке не хочется укусить меня.

И он притаился в камышах. Над головой его то и дело летали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевеливаться.

3325
Прошло много часов; он огляделся и пустился бегом дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка эта так обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого она еще и держалась.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА

Ветер все крепчал и крепчал. Что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво; можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала „сынчком“; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже пускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, ее так и прозвали „коротконожкой“; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром гостя заметили. Кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка. По своей слепоте она приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала ста-

рушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да это мы увидим.

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было. Хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица, и оба всегда говорили: „мы и весь свет“. Они считали самих себя половиной всего света, вдобавок — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно с этим и не согласиться. Однажды он высказал это. Курица этого не стерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи.
А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся с своими рассуждениями, когда говорят умные люди.

И утенок сидел в углу нахохлившись. Вдруг он вспомнил солнышко и свежий воздух, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет блажь. Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет.

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А какое удовольствие нырять в самую глубь с головой!

— Хорошее удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся. Спроси кота, — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать

или нырять. О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей старушки, уж умнее-то ее нет никого на свете. По-твоему, и ей хочется плавать или нырять с головой?

— Вы меня не понимаете, — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты, что ж, хочешь быть умнее кота и старушки, не говоря уж обо мне? Не дури, а будь лучше благодарен за все, что мы для тебя сделали. Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит. Уж поверь мне. Я желаю тебе добра, потому и браню тебя: так всегда поступают настоящие друзья. Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры.

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, — сказал утенок.

— Уходи — не заплачем! — ответила курица.

И утенок ушел от них. Он плавал и нырял с головой, но все животные попрежнему обижали его за то, что он такой безобразный.

Настала осень, листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер

подхватывал и кружил их по воздуху; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжелые облака сеяли град и снег, а ворон сидел на изгороди и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Да, плохо пришлось бедному утенку.

Раз вечером, когда солнышко еще так славно сияло на небе, из-за кустов поднялась целая стая прекрасных больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белые, как снег, с длинными, гибкими шеями. То были лебеди. Они испустили какой-то особенный крик, взмахнули великолепными крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватило какое-то непонятное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам

испугался. Чудные птицы не выходили у него из головы, и, когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять — он был словно сам не свой. Утенок не знал, как зовут этих птиц, куда они улетели, но он полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте; ему и в голову не приходило сравни-

вать себя с ними. Он был бы рад и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не прогоняли. Бедный, безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы она не могла замерзнуть совсем, но с каждой ночью прорубь становилась все меньше и меньше. Морозило так, что ледяная кора трещала. Утенок без-устали работал лапками, но под конец обессилел, остановился и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидел примерзшего утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой. Утенка отогрели.

Но вот дети крестьянина вздумали поиграть с ним, а он вообразил, что они хотят обидеть его, и шарахнулся со страха прямо в подойник с молоком — молоко расплескалось. Женщина вскрикнула, всплеснула ру-

ками, а утенок влетел в кадку с маслом, оттуда в боченок с мукой. На что только он был похож! Женщина вопила и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была не притворена. Утенок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там без чувств.

Было бы чересчур печально описывать все бедствия утенка во время долгой зимы. Но вот солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Запели жаворонки, пришла весна. Утенок лежал в болоте, в камышах. Вдруг он взмахнул крыльями и полетел; теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли в цвету; душистая сирень склоняла зеленые ветви над извилистым каналом.

Как тут было хорошо, как пахло весною!

Вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих красивых птиц, и ему вдруг стало очень грустно.

„Полечу-ка я к этим чудесным птицам; они, наверное, убьют меня за мою дерзость, за то, что я, такой безобразный, посмел приблизиться к ним. Но пусть лучше они убьют меня, чем переносить щипки уток и кур, толчки птичницы да холод и голод зимой“.

И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам-лебедям, а те, увидев его, тоже подплыли к нему.

— Убейте меня!— сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти.

И вдруг он увидел в чистой, как зеркало, воде свое собственное отражение. Но он был уже не гадкой темносерой птицей, а — лебедем!

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый маленький из них закричал:

— Новый, новый!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясывали от радости; потом побежали за отцом и матерью и опять бросали в воду крошки хлеба и пирожного. Все говорили, что новый красивее всех. Такой молодой, прекрасный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ДЛЯ МЛАДШЕГО И
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Н. ШЕР
Худож. редактор А. ЧЕГОДАЕВ
Технич. редактор М. ГОЛОВАНОВА
Корр. О. Каплан и О. Зайковская
Сдано в производство 5/III 1937 г.
Подписано к печати 5/VI 1937 г.
Детиздат № 1181. Индекс Д-5
Формат 84 x 118¹/₂ мм. 2¹/₄ печ. листа
Уполномочен. Главлита Б-21413
Тираж 200 800 экз. Зак. 354

Фабрика детской книги, изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушевский вал, 49.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

г. предм. выдач _____

Зак. 761

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПАПКА - 25 к.

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

1. ПЕРРО	—	Красная Шапочка. Золушка
2. ГРИММ	—	Горшок каши. Заяц и еж
3. ГРИММ	—	Беляночка и Розочка
4. ГРИММ	—	Золотой гусь
5. ГАУФ	—	Маленький Мук
6. АНДЕРСЕН	—	Гадкий утенок
7. ДЖЕКОБС	—	Кошка и мышка. Курочка-хохлаточка
8. ТОЛСТОЙ	—	Три медведя
9. ДИСНЕЙ	—	Три поросенка
10. ОДОЕВСКИЙ	—	Мороз Иванович
11. РУССКАЯ СКАЗКА	—	Братец Иванушка и сестрица Аленушка
12. СБОРНИК	—	Сказки о животных
13. СБОРНИК	—	Народные песенки
14. ТОЛСТОЙ	—	Рассказы
15. ТОЛСТОЙ	—	Басни
16. ТОЛСТОЙ	—	Маленьким детям
17. ГАРИН	—	Тема и Жучка
18. УШИНСКИЙ	—	Четыре желания
19. КРЫЛОВ	—	Басни
20. ПУШКИН, НЕКРАСОВ	и др. —	Стихи
21. ГЮГО	—	Козета
22. ДИКЕНС	—	Пип
23. ВИРТА	—	Иностранка
24. АЛЕКСАНДРОВА	—	Гибель Чапаева
25. ЧАПЛИНА	—	Моя обезьяна
26. МАЯКОВСКИЙ	—	Что такое хорошо, что такое плохо
27. МАРШАК	—	Усатый-полосатый
28. ЖИТКОВ	—	Белый домик
29. ШВАРЦ	—	Чужая девочка
30. ЧАРУШИН	—	Три рассказа
31. ГОЛИЦЫН	—	Чайник
32. СБОРНИК	—	Черная семья (рассказы о птицах)
33. МАРШАК, ЧУКОВСКИЙ	и др. —	Стихи
34. КАРИНСКИЙ и РОТОВ	—	Грачи и кот
35. КАРИНСКИЙ и РОТОВ	—	Приключения зайца